

Нолан и К. против России
[Nolan and K. v. Russia] (№ 2512/04)

Постановление от 12 февраля 2009 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

♦ Точнее, Концепция национальной безопасности была утверждена в новой редакции Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 (прим. переводчика).

Первый заявитель, американский гражданин, являлся единоличным опекуном своего 11-месячного сына (второго заявителя). Он член Церкви объединения, которую основал Сан Мюн Мун, и проживал в России на основании ежегодно возобновляемой визы с 1994 г., когда Церковь пригласила его туда для участия в своей деятельности. В январе 2000 года в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации внесли изменения♦, предусматривающие оказание противодействия негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров. В мае 2002 года первый заявитель отправился в поездку на Кипр, оставив сына на попечении няни. По возвращении в Россию его задержали сотрудники паспортного контроля в московском аэропорту и заперли на всю ночь в маленьком помещении. Заявителю сообщили, что его виза аннулирована и ему не разрешается въезд в страну, после чего он самолетом отправился в Эстонию. Месяцем позже заявителю вновь без объяснений причин отказали во въезде в Россию, куда он пытался въехать на основании новой многоразовой визы, полученной после направления многократных жалоб российским властям. Жалобу на решение об отказе в разрешении на въезд областной суд отклонил по мотивам национальной безопасности на основании секретного доклада, составленного в феврале 2002 г. Федеральной службой безопасности (далее – ФСБ). Кроме того, данный суд указал, что российские власти не препятствовали воссоединению первого заявителя с сыном в ином государстве, и что его пребывание в течение ночи в аэропорту не являлось лишением свободы. Жалоба первого заявителя в Верховный Суд отклонена. Он воссоединился с сыном в апреле 2003 г., когда няня привезла ребенка на Украину.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 9 Конвенции. (а) Вопрос о наличии вмешательства властей в права заявителя. Пограничный контроль должен осуществляться в соответствии с конвенционными обязательствами. Соответственно, поскольку мера, имеющая отношение к пребыванию в государстве, применена в связи с осуществлением права на свободу религии, она может свидетельствовать о вмешательстве в указанное право. Российское государство-ответчик последовательно утверждало, что угрозу национальной безопасности представляли действия, а не религиозные убеждения, но не определило характер таких действий и отказалось представить доклад ФСБ, который мог бы способствовать обоснованию этой позиции. Далее, неопределенное указание в Концепции национальной безопасности на опасность действий иностранных религиозных миссионеров свидетельствовало о том, что религиозные убеждения первого заявителя и его статус иностранного миссионера иностранной религиозной организации могли обусловить решение властей воспрепятствовать его въезду. В результате, поскольку не доказано, что он участвовал в какой-либо нерелигиозной деятельности, и учитывая общую политику, согласно которой иностранные миссионеры представляют угрозу национальной безопасности, высылка первого заявителя из России направлена на воспрепятствование осуществлению его права на свободу религии и, таким образом, является вмешательством в его права, гарантированные статьей 9 Конвенции.

(b) Вопрос об оправданности вмешательства. Во внутригосударственных разбирательствах не представлялись доказательства необходимости запрета на въезд заявителя в Россию. Представитель ФСБ не выдвинул определенных объяснений о фактических обстоятельствах, на которых основывались

выводы доклада, и суды страны не проверяли, имело ли фактическую основу заключение о том, что заявитель представлял угрозу национальной безопасности. В любом случае статья 9 Конвенции не предусматривает ограничений по мотивам национальной безопасности. Это не является случайным упущением, но отражает фундаментальную важность религиозного плюрализма. Интересы национальной безопасности, таким образом, не могли служить оправданием для мер, принятых российскими властями против первого заявителя. Также не усматривается признаков того, что его религиозная деятельность нарушала права и свободы иных лиц. Следовательно, государство-ответчик не выдвинуло какого-либо убедительного правового и фактического оправдания его высылке из России.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 5 Конвенции. Отсутствие процедур административного или уголовного задержания в деле первого заявителя не имеет значения для вывода Европейского Суда о наличии фактического лишения или ограничения его свободы. Условия его ночного пребывания в транзитной зоне (в запертой комнате под постоянным наблюдением) практически эквивалентны лишению свободы, за которое несли ответственность российские власти. Правила пересечения границы действительно предусматривали, что лица в ситуации заявителя должны препровождаться в изолированные помещения и помещаться под охрану до момента, когда они покинут российскую территорию. Что касается вопроса о лишении свободы в порядке, предусмотренном законом, государство-ответчик не указало на какие-либо национальные правовые положения; правила пересечения границы, на основе которых могло быть осуществлено лишение свободы, не опубликованы или не доступны для общественности, а значит, не являлись достаточно известными и предсказуемыми, чтобы отвечать требованию качества закона.

Постановление По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 5 статьи 5 Конвенции. Первый заявитель не смог воспользоваться реализуемым правом на компенсацию, поскольку суды страны пришли к выводу о том, что он не был лишен свободы.

Постановление По делу допущено нарушение требований пункта 5 статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции. Разлучение заявителя с 10-месячным сыном являлось прямым следствием решения выслать его из России и уклонения от сообщения ему об этом решении и принятия мер, позволяющих его сыну покинуть Россию. Первый заявитель был единственным родителем и законным опекуном ребенка, который находился в уязвимом возрасте формирования личности. Единственным оправданием для прекращения их контактов, выдвинутым государством-ответчиком, стала национальная безопасность, однако Европейский Суд признал данное основание недоказанным, следовательно, оно не могло перевесить законный интерес заявителей в совместном проживании. Власти усугубили ситуацию, не уведомив заявителя заранее о намерении выслать его и не содействуя сыну заявителя в выезде из России для их воссоединения в ином месте. Явное уклонение властей от оценки влияния их решений и действий на благополучие ребенка вышло за пределы любой приемлемой свободы усмотрения.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции. (а) Вопрос о применимости к делу. Для определения того, применимо ли к делу указанное положение, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, проживал ли заявитель в России, являлось ли его проживание законным, и был ли он выслан из России. Подобно самостоятельной концепции жилища, определенной в статье 8 Конвенции, понятие «проживание» не ограничено физическим присутствием, но зависит от существования прочных и постоянных связей с определенным местом. Первый заявитель постоянно проживал в России с 1994 г. и не имел места жительства где-либо еще. Его отъезд за границу являлся кратковременным, и он рассчитывал вернуться, особенно учитывая, что в России оставался его малолетний ребенок. Таким образом, он проживал в России в соответствующий период времени. Что касается вопроса законности, первый заявитель законно проживал в России более семи лет и в соответствующий период времени обладал действительной многократовой годовой визой. Государство-ответчик не пояснило, почему оно считало его визу недействительной. Ее аннулирование по прибытии из Кипра не могло лишить его статуса проживающего на законных основаниях лица, поскольку в ином случае решение о высылке само по себе лишало бы лицо защиты статьи 7 Протокола № 1* к Конвенции. Понятие «высылки» также представляет собой самостоятельную концепцию. За исключением экстрадиции, любая мера, вынуждающая иностранца покинуть территорию, где он законно проживал, представляет собой высылку. Решение о запрете возвращения заявителя в Россию препятствовало его въезду на ее территорию и, таким образом, являлось высылкой.

* Так в тексте. Очевидно, имеется в виду статья 1 Протокола № 7 к Конвенции (прим. переводчика).

(b) По поводу соблюдения статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции. В соответствии со статьей 1 Протокола № 7 к Конвенции иностранец, проживающий на территории государства на законных основаниях, может быть выслан из него только во исполнение решения, принятого в соответствии с законом и при условии соблюдения определенных процедурных гарантий, хотя такие гарантии не применяются, если высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности. Поскольку государство-ответчик не доказало, что высылка первого заявителя производилась по данным основаниям, исключения не подлежат применению, и заявитель должен был пользоваться процедурными гарантиями до высылки. Однако они оказались нарушены в трех отношениях: времени, которое потребовалось, чтобы сообщить заявителю о решении его выслать (более трех месяцев), его неспособности представить аргументы против высылки и отказа в пересмотре дела с участием адвоката.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения подпункта «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции. Государство-ответчик отказалось представить копию доклада ФСБ на том основании, что отсутствовала процедура представления документов, содержащих государственную тайну, международным организациям. Однако конвенционное обязательство создать все необходимые условия для эффективного исследования Европейским Судом обстоятельств дела предполагает установление процедур, необходимых для беспрепятственного сообщения и обмена документами с Европейским Судом. При таких обстоятельствах одна лишь ссылка на структурный недостаток национального права, который делает невозможной передачу секретных документов международным органам, являлась недостаточной, чтобы оправдать удержание ключевой информации, запрошенной Европейским Судом. Более того, тот факт, что доклад исследовался в процессе внутригосударственного разбирательства и представитель заявителя получил к нему доступ при условии дачи под-

писки о неразглашении, свидетельствует, что характер содержащихся в нем сведений не требовал всеобъемлющего запрета на доступ. Любую обоснованную озабоченность, связанную с государственной тайной, можно разрешить путем исключения секретных фрагментов или представления краткого изложения значимых фактических оснований.

Постановление

По делу допущено несоблюдение требований подпункта «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции (вынесено шестью голосами «за» и одним – «против»).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить первому заявителю 7 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.